

«А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его, но не имеет в себе корня и непостоянен».

(Матф. 13: 20-21)

«Нет во всей России, а может быть, на Земном шаре, никого более коренного по вкусу, по укладу, по организации души, чем костромичи».

П. Флоренский

УКОРЕНЕНИЕ

ГЕРОИ ВЕРЫ

(Окончание.
Начало в № 11-12)

Краткое свидание

Я опять реву, в ногах у него катаюсь: «Дайте свидание-то!» Он сходил в баню, но успокоиться все никак не может: сердце-то у него я, видно, тоже растревожила. «А ну, как дам я ему свидание – а он очень слабый – и что-нибудь сделает с ним, так и меня посадят!» И вот он все бегаёт, нервничает, от чего прикурить не может найти...

Я взяла с собой в дорогу коробок спичек. Ведь кто знает, может, в лесу придется ночевать. Протягиваю ему этот коробок: «Вот, закурите и возьмите себе!»

Он взял, закурил, еще походил, успокоился и говорит: «Ну ладно, дам тебе свидание на 20 минут».

Всё, что я с собой принесла, проверил: 10 килограммов хлеба маленькими буханочками, бутылка растительного масла и немного сухариков...

И вот гляжу: дядя Коля, мельник, его ведет! А он уж слаб был, очень слаб. Перед свиданием его предупредили: «Смотри, только не реви!» А мы с ним все эти 20 минут проговорили.

Я не знаю, что сказать-то, только всхлипываю, а слезы по щекам так и бегут. И у него эдак. Поревели-поревели, и нам говорят: «Все, время вышло». Отец вышел из помещения, где свидание было, сел на пенек и всю заревел. И я в окошко на него гляжу и тоже реву.

В обратный путь

Время было уже позднее, а где ночевать? Ночевать негде. Надо обратно ночью бежать. Я говорю: «Поглядите, товарищ начальник, какая у меня мозоль. Я ведь словно вскачь бежала». Рассказываю ему это и ногу ему кажу. Он начал звонить, не едет ли машина. Дозвонился. «Сейчас машина пойдет, я тебя посажу, довезет тебя до Няндомы».

Посадил, а народу уж полон кузов. «Давай, плати деньги!» Едем, друг за дружку держимся. А места там болотистые, дорога неровная. Да и шофер едет на большой скорости: то туда резко повернет, то сюда. Вот думаю, сейчас выбросит нас за борт, и готовы будем...

Не знаю, сколько километров отъехали, стали бараба-

нить по кабине. Машина остановилась, кто-то из пассажиров ушел звонить: «Вот такое дело, шофер везет нас, хоть убить». Подъезжаем к Няндоме, а уж нас милиция встречает: «Предъявите документы!» А меня мой начальник научил: «Если станут проверять паспорта, то скажи, что работаешь на железной дороге, и приехала в Няндому за сапогами – сапоги покупать». Вот так, как он меня научил, я и сделала.

Меня тут же забрали, отобрали билет и, как мне тогда показалось, посадили. Я испугалась. Но тут подошел поезд, билет закомпостировали и посадили меня в вагон. А начальнику позвонили: «Принимай свою работницу!» Вот я и приехала.

Ну, как, Шурка, съездила

Приехала, когда наши собрались за продуктами – продукты получить. «Ой, Вострова приехала! Ну-ко, поехали с нами мешки таскать!» А у меня нога-то тоскует, ступить нельзя. А я уж боюсь начальнику-то говорить...

Приехали, мешки все переносили, и меня посадили на сборник с этими продуктами. Погода в тот день была пасмурная, холодная. Посадили на платформу меня и говорят: «Вот карауль мешки-то!» И вот только сборник где остановится, – а вдруг ли он насобирает – как мне в голову мысль: «Вот как мне отор-

врут здесь башку-то!»

И от страха дрожу, и замерзла, и нога тоскует. А девки с ребятами то прибегут ко мне, то убегут, как поедут так.

Ну все-таки, доехали. Кучин Сергей Панфилович встречает: «Ну, как, Шурка, съездила?» «Ой, Сергей Панфилович, погляди-ко, что у меня с ногой-то сделалось! Не знаю, как завтра пойду на работу!» Реву.

Он тут взял таз и пошел с ним по вагонам...

«Ставь ногу! Тебе легче будет!» Поставила я ногу в таз с мочой – словно полегче стало. Но как на работу пойду? Сергей Панфилович говорит: «Завтра будешь топоры французские точить». «А я не умею». «Сколько поточишь, ладно уж. Я ведь дам тебе старика. Он вертеть будет, а ты точи».

Бог-от есть

А вот еще говорят, что Бога-то нет. Бог-от есть! На другой день больную ногу я завернула в онучу да обула в галошу, а другую ногу – в сапог. Попошла, а у меня никакого терпенья нет – нога-то тоскует. А еще – раз старшая рабочая – вези мадорон. На мадороне инструмент всякий: лапы, молотки, кувалда. И вот я три километра до полуказармы дошла и говорю: «Как хотите, а я пить захотела. Пойду, попрошу попить».

В эти места в те годы ссылали

раскулаченных украинцев. Постучала я в дверь – вышла ко мне старушка-украинка и говорит: «Не люблю я вас москалей!» «Ну, что это ты, бабушка, не любишь. Дай попить-то! У меня ноженька тоскует». Тут мы с ней разговорились. Я ей обсказала все, куда и зачем ходила, и показала больную ногу: «Погляди-ко, вот у меня...»

«Ой, матушка! Мы за Бога страдаем, да и ты – за Бога! Вот нас сюда вывезли, так мы здесь домик построили. Держим корову, сеем и садим все. И живем теперь хорошо. Ну, хватит, не реви!»

Принесла коровьего творогу, сметаной его набелила и ногу мне обляпала. А нога у меня уже по щиколотку распухла! Обляпала мне больную ногу, перевязала и говорит: «Подожди, посиди немного, она у тебя сейчас стихнет». Я посидела и говорю: «Бабушка, она потише стала. Томит только да подергивает, словно там сердечко бьется все реже и реже: тук-тук». «Сейчас стихнет! Вот, как она у тебя стихнет, я почечного вина принесла. Смажу тебе ногу почечным вином».

Натерла мне ногу вином, настоящим на березовых почках, и снова творогом заляпала. «Она у тебя теперь до обеда тосковать не будет. А где ты в обед будешь?» Я сказала где, на каком километре. «Я к тебе приду, ногу перевяжу, а ты, как домой пойдешь, снова зайди ко мне». И так она всю неделю в обед ходила ко мне на работу.

С работы пойду – она у меня ногу заляпает, та и не тоскует. Через неделю вылечила ногу! Дай ей, Господи, Царство Небесное, вечный покой!

Я думаю: чем-то ей надо платить. Ну-ко, она так старалась. Дали мне как мобилизованной на месяц 100 г фамильного чаю. Я ей эту пачку чаю и принесла: «Вот, – говорю – вам за работу. Надо, так вот спичек еще дали – спичек возьмите». «Спичек мне не надо, а вот чай возьму. Но я тебя лечила для Бога, и ты трудишься для Бога. На тебе – четверть молока». Я говорю: «Не надо!» «Нет, возьми! Захочешь еще – приходи!»

Но я уж больше к ней не пошла.

Тягина икона

Тягенька вернулся домой очень слабым. Меня тогда дома не было. Как потом рассказывали, он не мог самостоятельно даже на печь залезть – так его подсаживали. Потом, правда, поправился. Он хорошим человеком был. Любили его все...

Что же произошло с иконой Христа Вседержителя? Иван Иванович не стал прятать спасенный образ от чужих глаз. Он сразу повесил ее на тябло. Как было уже сказано выше, он тачал сапоги, подшивал валенки, чинил конскую упряжь. И, по всей видимости, кто-то из его заказчиков обратил внимание на появление в доме Востровых новой иконы. Ну, а догадаться о том, что это икона из разоренной церкви, было уж вовсе нетрудно. Осталось только сообщить «куда следует».

Когда же пришли арестовывать Ивана Ивановича, о самой иконе даже никто и не вспомнил. По милости Божией, она так и осталась в святом углу, где и находилась до возвращения Ивана Ивановича из мест лишения свободы.

Перед смертью он завещал ее своей любимой дочери – Александре Ивановне, благоговейно сохранившей ее до наших дней.

Послесловие

Размышления над событиями тех лет невольно вызвали в памяти образы окружающей с. Заболотье северной русской природы. Но строгая красота осенних пейзажей лишь усугубляла удручающее впечатление от вида опустевших домов с выбитыми стеклами окон и ржавеющими возле стен мотоциклами. Хмурые лица немногочисленных прохожих как бы довершали общую картину заброшенности и опустошения.

«Опустошу землю вашу, так что изумятся о ней враги ваши, поселившиеся на ней» (Лев. 26:32).

Пожалуй, ни одному из участников разграбления храма Покрова Пресвятой Богородицы тогда и в голову не могло прийти, что грозное предупреждение, адресованное еврейскому народу, имеет прямое отношение к судьбе русского народа, народа Богоносца.

Но именно так наказывает Господь Бог за грех богоотступничества, и все мы, весь народ русский виновны в этом грехе.

От тех страшных дней лета 1937 года, от поставления «мерзости запустения... на месте святое», оставалось недолгих четыре года до начала самой кровопролитной войны, какую когда-либо знала история.

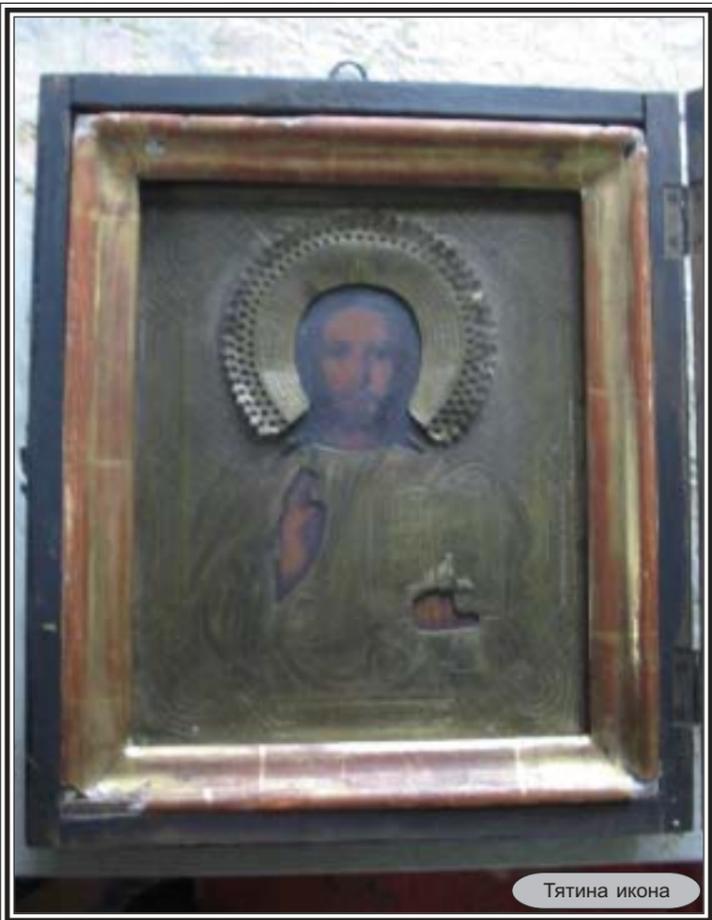
«И если презрите Мои постановления, и если душа ваша возгнушается Моими законами... то и Я... обращу лице Мое на вас, и падете пред врагами вашими.» (Лев. 26:15-17).

Осознания нашей всеобщей ответственности за грехи отцов, которые «упрямствовали, и шею свою держали упруго, и не слушали заповедей Твоих» (Неем. 9:16), ожидает от нас Господь: «остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душам вашим» (Иер. 6:16).

На этом узком тернистом пути обретение веры Христовой да послужит нам добрым примером жизнь нашего дорогого земляка Ивана Ивановича Вострова.

Вечная ему память!

Материал подготовил
В. Овчинников

Тягина икона

